

воспроизводивших свои оригиналы буквально, но всегда верных смыслу и стилю подлинников.

Необходимо сказать еще несколько слов об одном до недавнего времени вовсе не привлекавшем внимания специалистов разделе переводной письменности — о переводах гимнологических памятников. Мы уже сказали, что такие памятники у нас еще почти не учтены, не описаны и не изданы; до недавнего времени те немногие исследователи, которые обращались к их изучению, рассматривали их тексты как произведения прозаические, обращая внимание в первую очередь лишь на ошибки, допущенные переводчиками при передаче греческих оригиналов.¹⁶⁵

Между тем бесчисленные переводы на славянский язык канонов и кондаков, стихир и тропарей представляют собой не коряво сработанные подстрочники поэтических оригиналов, художественных произведений византийской гимнографии, но в полном смысле образцы высокой поэзии. Если сама по себе византийская гимнография изучена еще весьма поверхностно, то поэтическая сторона переводов обратила на себя внимание отдельных ученых лишь в последние годы. В 1961 г. Р. О. Якобсон выступил с докладом, посвященным старославянской поэзии.¹⁶⁶ В том же году несколько строк было уделено в этом плане языку переводов и в нашем докладе.¹⁶⁷

Как доказало произведенное Р. О. Якобсоном сопоставление славянских поэтических гимнов с их греческими оригиналами, поэтичность переводов заключается, между прочим, и в ритмическом их построении, в строго регламентируемом стихотворным размером количестве слогов в стихотворной строке. Эта ритмическая организация стиха в переводных песнопениях дополняется последовательно проводимой звуковой организацией, своеобразной инструментовкой текста, проявляющейся в аллитерациях и ассонансах, оттеняющих ту словесную и музыкальную картину, которая должна представляться слушателям этих торжественных музыкально-поэтических произведений.

Аналогичное открытие недавно было сделано на материале древней грузинской гимнологии.¹⁶⁸ Художественная древнерусская гимнология должна быть подвергнута самому тщательному изучению как со стороны языка и стиля ее текстов, так и со стороны мелодий их вокального звучания.¹⁶⁹

7

Здесь мы остановимся на литературной судьбе переводных произведений на их новой родине. Этой проблеме посвящена недавно появившаяся статья В. Д. Кузьминой.¹⁷⁰ Еще раньше об этом много и обстоятельно

¹⁶⁵ См., например: И. В. Ягич. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг.; Erwin Koschmieder. Die ältesten Novgoroder Hirmologienfragmente. Lieferung I. München, 1953; Lieferung II. München, 1955.

¹⁶⁶ Roman Jakobson. The slavic response to Byzantine poetry. — XII congrès international des études Byzantines. Rapports, VIII. Belgrade—Orchide, 1961.

¹⁶⁷ Н. А. Мещерский. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений, стр. 101—103.

¹⁶⁸ См.: И. Андроников. Разгадка тысячелетней тайны. — Новый мир, 1962, № 9, стр. 231 (О работах Павле Игороква).

¹⁶⁹ См. выступление М. В. Бражникова на IV Международном съезде славистов (т. I, стр. 338—339); Н. Д. Успенский. Византийское пение в Киевской Руси. — Akten des XI Internationalen Byzantinistischen Kongresses. München, 1960, стр. 643—654.

¹⁷⁰ В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 13—20.